

работали свиноферма и птичник. В 1966 г. мы уехали одними из первых. С этого времени деревня начинает разъезжаться. Из-за небольшого количества учеников закрыли школу, потом закрыли магазин. Люди переезжали в соседние населённые пункты: Аникино, Бражниково. Перевозить дома помогал колхоз, бесплатно выделяя технику» [7]. Люди очень болезненно отнеслись к переезду и ещё долгие годы собирались на месте бывшей деревеньки.

Подводя итог, следует отметить, что представленный источник даёт исследователю возможность увидеть жизнь сибирской деревни не с позиций государства, как это принято в распространённых письменных источниках, а с позиций её жителей.

1. Соколова, Е.В. Источниковая база изучения исчезнувших деревень Колосовского района Омской области / Е. В. Соколова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 20. – С. 209–211.

2. Воспоминания Н.А. Алымова [с. Корсино Колосовского района Омской области]. Собраны автором.

3. Воспоминания Р.А. Фоминой [с. Корсино Колосовского района Омской области]. Собраны автором.

4. Воспоминания Н.М. Богдановой [с. Бражниково Колосовского района Омской области]. Собраны автором.

5. Воспоминания Р.Г. Петровой [с. Бражниково Колосовского района Омской области]. Собраны автором.

6. Воспоминания В.И. Амельченко [с. Аникино Колосовского района Омской области]. Собраны автором.

7. Воспоминания Н.Н. Литвиновой [с. Бражниково Колосовского района Омской области]. Собраны автором.

УДК 93/94(571.13)

Стельмак М. М., г. Омск

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС: ОБРАЗ СОЮЗНИКА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ»

В период «демократической контрреволюции» различные общественные газеты продолжали играть важную роль в формировании мнения у различных категорий населения. Следует учесть, что боль-

шинство общественных изданий стояло в основном на областнических позициях или позиционировало в качестве газет социал-демократии, с которой поначалу ассоциировалась и антибольшевистская власть в начале лета 1918 г. Представители кадетов, эсеров, меньшевиков вначале были вынуждены вместе выработать программу мер, что в итоге не вышло из-за внутренних разногласий [3, с. 100]. Несмотря на декларируемую свободу слова, отношения властей с неправительственными изданиями нельзя назвать мягкими. 18 июля 1918 г. министр внутренних дел Временного Сибирского правительства (далее — ВСП) В.М. Крутовский подписывает циркуляр, в котором говорилось, что «многие поняли свободу слова своеобразно», и рекомендовал комиссарам пристальнее наблюдать за печатью [14, с. 130]. К концу лета 1918 г. на театре боевых действий, а впоследствии и в тылу были образованы цензурные посты, занимавшиеся просмотром материалов, готовящихся к печати, и почтовой корреспонденции, в том числе и заграничной [1, с. 53].

Чехословацкий корпус сразу получил должное освещение, ввиду того, что во многом общественно-политические издания Западной Сибири позиционировали себя как демократические органы мысли. Буквально сразу же, благодаря газетам, чехословацкие legionеры предстали в образе силы, вызывающий у жителей Сибири только положительные чувства, солдат, относящихся к гражданам как ко своим друзьям: «Ещё 31 мая 1918 г. вся линия от Челябинска до Мариинска была занята чехословацкими отрядами. Враждебного отношения со стороны населения к чехословакам, как видно из телеграфных сообщений, полученных Временным Сибирским правительством, не наблюдалось. Наоборот, по всей линии чехословаки, не желающие покушаться на независимость Сибири, были встречены овациями под звуки оркестра. Командующий эшелоном второй чехословацкой дивизии Гайда в своём сообщении Сибирскому Временному правительству отмечает сочувственное отношение населения к чехословакам» [9, с. 1]. Кроме гражданского населения, благодарность простым чехословацким солдатам выразил и начальник томского гарнизона полковник Н.Н. Сумароков [13, с. 3]. Во многих публикациях указывалась роль чехословацкого корпуса при взятии населённых пунктов [2, с. 1]. В то же время умеренно-социалистические органы печати старались на начальном периоде «демократической контрреволюции», чтобы на чехословаков не смотрели как на силу, готовую постоянно выручать сибирскую контрреволюцию, жертвуя при этом своими интересами: «Нельзя считать

нормальным положение, когда судьба Сибири и России зависит от желания или нежелания дружеских нам чехословаков продолжать борьбу с большевиками в Сибири. У чехословаков существуют свои непосредственные задачи, во имя которых они вступили в борьбу с большевиками, не пропуская их на французский фронт. Если эта возможность у чехословаков будет, то настойчиво удерживать их в Сибири для борьбы с большевиками никто не имеет никаких оснований» [7, с. 3].

Образ чехословаков был связан и с переменами в России после Февральской революции 1917 г. Например, такую позицию занял автор статьи, опубликованной в новониколаевской газете «Народная Сибирь», печатном органе социалистической и кооперативной мысли, и перепечатанной другими изданиями. С позиции автора, Февральская революция являлась примером, который русская демократия показала трудящимся всего мира, особенно угнетённым народностям: «Чехи и словаки до сих пор ведут отчаянную борьбу со своими угнетателями. Особенно угнетают чехов и словаков мадьяры. Сейчас имеются известия о том, что в Чехии происходит революция, чехи хотят освободиться от своих угнетателей — мадьяр и немцев» [8, с. 2].

Частым приёмом стало предоставление на страницах газеты слова чехословацким офицерам для демонстрации искренних намерений в отношении России, приверженности принципам свободы и демократии [10, с. 1]. «Чешско-словацкое революционное войско было сформировано, во-первых, для борьбы против австро-германского империализма, во-вторых, для защиты прав чешско-словацкого народа на самоопределение, согласно лозунгам, провозглашённым русской революцией, в-третьих, для общей борьбы за демократию [12, с. 3]. Довольно часто, как и остальных союзников, газеты публиковали воззвания чехословаков к противнику с целью устыдить. Но в их случае воззвания были направлены представителям различных народностей России, долгое время находившихся в зависимом положении (как и сами чехословаки). «Письмо всем латышам, истинным демократам-революционерам. Товарищи, опомнитесь. Ваш маленький, измученный немецкими баронами и царизмом народ истекает кровью. Вы за фальшивые печатные денежные знаки продаёте свою рыцарскую кровь; над вами смеются великие мира сего — империалисты и капиталисты. Вам нужно знать, Вам ненавистна нагайка и нам, чехам-революционерам, тоже, а всё-таки как трагично, мы уничтожаем друг друга» [6, с. 1]. Или ещё раз напомнить, кому сибирское население обязано освобождением от противника: «Под нашими ударами пала террористическая власть гер-

мано-мадьярских агентов в Сибири, и постепенно она падает в прилегающих областях России. Освобождённые области живут новой свободной жизнью, формируется новая армия, возобновляется восточный противогерманский фронт [11, с. 2].

Но, кроме примеров поведения, демонстрировалась и забота о структуре российской власти, внутреннему устройству. Специально к этому вопросу омская «Заря» публикует докладную записку чехословацкого национального совета о создании всероссийской власти. Читателю демонстрировалось, что и в этом вопросы идеи совпадают и в итоге Россию ждёт единая власть: «...которая соответствовала бы великим задачам настоящего исторического момента, когда дело идёт о восстановлении единой свободной федеративной Российской республики, спасении завоеванной революции, о закреплении народоправства, о обновлении политического и экономического могущества России» [4, с. 2]. В ответ население не остаётся безучастным зрителем. По данным «Зари», жители Омска сразу откликнулись на просьбу сбора средств раненым и больным солдатам на корпус. [5, с. 3].

Образ чехословацкого корпуса в первые месяцы «демократической контрреволюции» в Западной Сибири представлял собой силу, готовую содействовать до конца новой антибольшевистской власти. Чехословаки, согласно прессе, разделяли демократические воззрения и ценности свободы, и в этом должны стать примером для всех народностей России. Но в то же время общественно-политические издания, в отличие от официозных, не ставили перед собой задачу во что бы то ни стало оставить чехословаков в России. Поэтому оставляли за корпусом право выбора, не навязывая ему участие в Гражданской войне.

---

1. Балмасов, С.С. Функционирование органов военной цензуры Российского правительства 1918-1919 гг. / С.С. Балмасов // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: материалы научной конференции в Челябинске (19-20 апреля 2002 г.). – Москва, 2002. – С. 53.

2. Взятие Омска // Сибирская жизнь [Томск]. – 1918. – 11 июня. – С. 1.

3. Дробченко, В.А. Межпартийные отношения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» / В.А. Дробченко // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 317. – С. 100.

4. К вопросу о всероссийской власти // Заря [Омск]. – 1918. – 1 сент. – С. 2.

5. Книги для чехословаков // Заря [Омск]. – 1918. – 14 сент. – С. 3.

6. Обращение Чечека к латышам // Заря [Омск]. – 1918. – 28 авг. – С. 3.

7. Офицерство и свержение советской власти // Бюллетень о текущих событиях: приложение к Сибирской земской деревне [Тобольск]. – 1918. – 25 июня. – С. 3.

8. Почему чехословаки помогают нам? // Бюллетень о текущих событиях: приложение к Сибирской земской деревне [Тобольск]. – 1918. – 25 июня. – С. 2.

9. Продвижение чехословаков // Бюллетень о текущих событиях: приложение к Сибирской земской деревне [Тобольск]. – 1918. – 25 июня. – С. 1.

10. Съезд чехословацких войск // Сибирская жизнь [Томск]. – 1918. – 18 июня. – С. 1.

11. Съезд чехословацкого войска // Дело Сибири [Омск]. – 1918. – 1 авг. – С. 2.

12. Чехословаки // Народная газета [Томск]. – 1918. – 21 июня. – С. 3.

13. Чехословацкий эшелон в Томске // Сибирская жизнь [Томск]. – 1918. – 6 июня. – С. 3.

14. Шереметьева, Д.Л. Власть и пресса в Сибири в период «демократической контрреволюции» / Д.Л. Шереметьева // Вестник НГУ. Т. 8. Вып. 1. История. – Новосибирск, 2009. – С. 130. – (История, филология).

УДК 902/904(571.13)

Татауров Ф.С., г. Омск

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ СТЕКЛО XVII ВЕКА В ТАРСКОЙ КРЕПОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Российское государство в XVII в. в связи с включением в свой состав огромных сибирских территорий стремительно превращалось в евразийскую державу. Стремясь надёжно укрепиться на новых землях, государство в массовом порядке инициировало строительство военных крепостей, острогов и городов.

В Западной Сибири географическое размещение первых русских городов было обусловлено рядом факторов. Во-первых, они располагались на основных маршрутах переселения из России в Сибирь, во-вторых, ставились они в местах наибольшего скопления местного населения, облагаемого данью, в-третьих, их старались разместить на старых торговых путях, стремясь обеспечить русских переселенцев необходимыми товарами и наладить контроль над торговлей.

Город Тара, основанный в 1594 г., объединил в себе все три фак-